

ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Т. ХАГУРОВ

Классическая триада целей образования, сформулированная ещё в античности, предполагала последовательное формирование у учащихся способностей к пониманию, целеполаганию, деятельности.

Греческие философы считали, что сначала нужно научить человека понимать окружающий мир, то есть снабдить его знаниями и интеллектуальными инструментами. Затем сформировать ценностную позицию, ибо целеполагание основано на ценностях, выбор целей — это всегда выбор тех или иных ценностей. И лишь затем научить действовать, снабдить инструментами практической реализации целей. Быть образованным означало понимать окружающий мир, быть способным к ценностному выбору и уже потом — к эффективной деятельности.

В процессе эволюции образования эта триада целей оставалась основополагающей. С разделением образования на начальное, общее (среднее) и высшее и развитием научно-образовательной специализации цели для каждого уровня и каждой специальности были конкретизированы. Средняя школа учила человека понимать, выбирать и действовать «вообще», то есть формировала некую общую готовность к жизни в обществе, зрелость (вспомним, как назывался школьный аттестат!). Высшее профессиональное образование формировало способность углублённо понимать какую-то отдельную профессиональную сферу, способность к ценностной ориентации в этой сфере и, наконец, способность к профессиональной деятельности.

Многочисленные реформы и дискуссии, захлестнувшие российскую школу в последние 20 лет, как правило, фокусировались на двух типах вопросов. Во-первых, вопросах *понимания*: какие знания, какие интеллектуальные инструменты и в каком объёме нужны учащимся. Во-вторых, вопросах *деятельности*: общих и профессиональных навыков и умениях, способности решать конкретные деятельностные задачи. Возникла попытка объединить понимание и деятельность в пространстве компетентностного подхода. Цели образования свелись к формированию компетенций, что означало *сокращение пространства понимания на фоне углубления пространства деятельности*.

При этом, с одной стороны, ценностная компонента образования — целеполагание — оказалось вытеснено компетентностным подходом куда-то на периферию образовательных дискуссий и практик. С другой стороны, культурные трансформации постсоветских лет способствовали интенсивной прагматизации ценностного дискурса в целом. Погоня за эффективностью и конкурентоспособностью на уровне государственной, региональной и муниципальной политики вызвала к жизни опасный перекося в целях образовательной и воспитательной деятельности. Суть этого перекося может быть выражена одним словом — *эко-номоцентризм*. Исключительное внимание на всех уровнях стало уделяться во-

15

Концепции
и системы
[27 – 60]

просам условий жизни и крайне недостаточное её смыслу и качеству. Политики, чиновники и журналисты много и охотно говорят о средствах, выделяемых на различные мероприятия и программы, и крайне редко о содержании и смысле, культурных и воспитательных последствиях тех или иных предложений или программ.

В результате произошла глубокая прагматизация целей образования. Главными целевыми ориентирами стали «эффективность» и «конкурентоспособность», о которых вслед за высшими государственными чиновниками заговорили ректоры вузов и директора школ. Первым заметным следствием этих изменений стала *прагматическая мутация* мотивации учащихся, в ряде случаев принимающая форму устойчивого прагматического психоза¹: школьники и студенты с готовностью воспринимают знания «полезные», востребованные рынком и гарантирующие заработок и отказываются воспринимать знания «лишние», не имеющие ярко выраженной «полезности».

Присмотримся пристальнее к той группе целей образования, которая скрывается за классической формулой «целеполагание», и тем социальным последствиям, которые влекут за собой их современные трансформации.

Смысл понятия «целеполагание» прост: наряду с инструментами понимания и деятельности мы должны сформировать у наших учеников пространство мотивации — некую систему представлений о *целях*, представлений о том, *зачем* им нужно образование, *зачем* нужны навыки понимания и деятельности. Мотивационное пространство личности включает в себя две группы мотивов: эгоистические и идеальные.

Два пространства мотивации

Эгоистическая мотивация	Идеальная мотивация
Экономический успех (деньги) Социальный успех (статус) Профессиональный успех (нарциссическая самореализация)	Смысл + Любовь = аскетическая самореализация

К эгоистическим мотивам относятся:

- стремление к материальному успеху, деньгам;
- карьерные мотивы;
- специфическое удовольствие, получаемое человеком от сознания собственной компетентности.

То, что обычно называют самореализацией, может иметь различную внутреннюю доминанту. Сравните: «я делаю это», «я **делаю** это», «я делаю **это**». В первом случае налицо самореализация *нарциссического* типа (когда в центре я, любимый), во втором и третьем — самореализация *аскетическая*, когда ведущим мотивом становятся любовь к самой деятельности или смысл этой деятельности.

Эгоистические мотивы могут проявляться как по отдельности (в форме экономической, социальной или нарциссической доминантности), так и в комплексе, когда одновременно присутствуют все три группы мотивов. Хотя обычно доми-

¹ Радаев В.В. Студент — жертва устойчивого прагматического психоза // Политический журнал. 2005. № 34 (85). С. 63–65.

нирует какой-то один эгоистический мотив. Сделаем принципиальную оговорку, позволяющую избежать ненужной ценностной нагрузки: эгоистические мотивы нормальны — ровно в том смысле, в каком каждый человек стремится получить за свою работу деньги, продвигаться по службе и получать удовольствие от своей работы. И эти мотивы остаются нормальными ровно до тех пор, пока у человека сохраняется пространство другой — идеальной — мотивации.

Идеальные мотивы — это мотивы любви и смысла и вытекающей из них аскетической самореализации, сфокусированной не на себе, а на деле и/или его значении. Подчеркнём, что мотивы любви и смысла — отнюдь не лирика. Любовь к тому, чем занимаешься, — необходимое условие приобретения профессионализма в сложных видах труда — педагога, управленца, врача, чиновника. Смысл — осознание значимости своего труда — важнейшее условие нормального функционирования тех отраслей деятельности, которые связаны со словом «служение»: государственная, военная, социальная служба. Без развитой смысловой мотивации сотрудники этих служб попросту не могут эффективно работать.

Эгоистическое и идеальное пространства мотивации организованы по-разному. Если эгоистические мотивы относительно независимы друг от друга, то мотивы идеальной группы тесно связаны и, как правило, сопутствуют друг другу. В нормальном случае в пространстве мотивации личности присутствуют обе группы мотивов, достаточно сложно сопряжённые между собой. При этом мотивы эгоистические обычно оказываются более естественными, «самозапускаемыми» по сравнению с мотивами идеальными, требующими специального взращивания. В школе (средней и высшей) традиционно акцент делался на мотивации идеальной при неявном допущении, что эгоизм сам себя воспитает и проявит.

Трагедия не только школы, но и всего российского общества последних десятилетий связана с тем, что идеальное пространство мотивации оказалось почти полностью разрушенным, как на индивидуальном, так и на макроуровне. Сегодня огромное количество выпускников школ и вузов обладают частично или полностью разрушенной идеальной мотивацией при практически полном доминировании мотивации эгоистической. Результат — постепенный социальный коллапс: когда в обществе накапливается критическое число носителей разрушенной идеальной мотивации, оно начинает «идти в разнос». Учителя перестают учить, врачи — лечить, правоохранители — охранять право, чиновники управлять государством. Иными словами, все начинают использовать свою сферу профессиональной деятельности как ресурс удовлетворения эгоистических амбиций стяжательства, карьеризма и нарциссизма.

Именно это и происходит в российском обществе сегодня. Последствия этих процессов особенно явно затрагивают сферу воспитания и социализации. Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще. Семья и школа перестают воспитывать, юстиция и право — сдерживать, правоохранительные структуры — пресекать, культурные институты перестают транслировать обществу смыслы и ценности, способствующие достижению целей социальной солидарности и развития.

Как следствие, в обществе возникает запрос на создание и внедрение эффективных механизмов социальной регуляции: антикоррупционных и правоохранительных, профилактических и коррекционных, финансовых и правовых.

² См.: Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Мат-лы IV Всеросс. научно-практ. конф. 28–29 октября 2010 г. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД, 2010. С. 40–45.

³ См.: Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / Пер. с английского В.В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

При этом общая позиция практиков подчёркнуто прагматична и в обращении к потенциалу социальных наук звучит так: «не надо нам заумной теории, дайте работающие технологии и механизмы». Мне, как эксперту, консультирующему органы региональной власти и силовые структуры, сталкиваться с этим приходится постоянно.

В сложившихся социокультурных условиях эффективно работать не будут никакие механизмы и технологии. Проиллюстрируем это на примере самого известного и очень грамотно и последовательно внедрённого в социальную практику антикоррупционного образовательного механизма — ЕГЭ. Основным аргументом в пользу этого экзамена выступала борьба с высоким уровнем коррупции при поступлении в вузы. И что в итоге? Каждый год мы наблюдаем коррупционные скандалы вокруг ЕГЭ.

Другой пример — введённый во многих регионах России (инициатором был Краснодарский край) «детский комендантский час» — запрет на нахождение несовершеннолетних вне дома без сопровождения взрослых после 22.00. Этот закон может загнать детей домой. Но может ли он заставить родителей любить детей и заниматься ими? Ответ очевиден.

Любые внедряемые сегодня механизмы социальной регуляции (правовые или экономические) не будут эффективно работать в силу глубочайшего социокультурного кризиса, суть которого может быть выражена с помощью следующей базовой метафоры.

Представим общество в виде бочки, внутрь которой налита «вода» человеческих страстей, потребностей и желаний. Стенки бочки — это базовые социальные регуляторы: мораль, религия, семья, традиция и культура в виде массовых видов искусства). Эти стенки скреплены железными обручами права и экономики. Когда стенки бочки по какой-то причине сгнили, то, сколько обручей (правовых механизмов) ни надевай сверху, бочка всё равно будет протекать: страсти и желания вырвутся наружу. Это мы и наблюдаем последние 20 лет.

Такое состояние общества может быть обозначено как кризис идеального². Теорию анализа такого состояния социума с позиций моральной философии глубоко разработал А. Макинтайр³. Коротко коснёмся основных идей этого анализа, глубоко совпадающего с теми идеями, которые были высказаны выше.

Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные социально значимые виды деятельности — социальные практики — добывание пищи и других ресурсов, управление, оборона от внешних врагов, накопление и передача знаний и т.п. Все социальные учреждения и институты с необходимостью опираются на те или иные практики. Чтобы эта социально значимая деятельность стала возможной (вне зависимости от её конкретного содержания), необходимо навязать (привить, передать) отдельным индивидам общие стандарты или принципы поведения. Иными словами, необходимы правила игры.

Люди, участвующие в практиках, руководствуются двумя видами мотивов: внутренними (идеальными) и внешними (эгоистическими). К внутренним относится специфическое удовольствие, получаемое посредством участия в практике, то, что выражается словами долг, призвание, любимое дело (мотивы социального служения и любви). К внешним — блага, могущие быть полученными любым другим способом: деньги, власть, чувственные удовольствия.

Индивиды, участвующие в практике, должны стремиться к внутренним благам (обладать идеальной мотивацией). Стремление исключительно к внешним благам (деньги, власть, удовольствия) разрушает практики. Когда же критическая масса носителей идеальной мотивации падает ниже какого-то уровня (этот уровень трудно локализуем, но он есть), то начинаются разнообразные дисфункции социальных институтов (нарушения правил игры), приводящие к их коллапсу и далее к системному социальному распаду, на пороге которого находится сегодня российское общество. Системный социальный распад — масштабное разрушение ключевых социальных практик: права, здравоохранения, управления, обеспечения безопасности. Начальная стадия этого процесса разворачивается на наших глазах. В первую очередь в подобной ситуации страдают такие институты, как семья, школа и право.

Выход из сложившейся ситуации не может быть простым, как не бывает простой задача реабилитации утраченных ценностей. Однако отказ от решения этой исключительно непростой задачи в самом ближайшем будущем поставит нас перед лицом *системного* социального распада, в его *полной*, а не начальной как сейчас, стадии. А это по-настоящему страшно.

